

Михаил Александров

Звезда Волошина

Михаил Александров Звезда Волошина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21125555

ISBN 9785448313141

Аннотация

Книга рассказов о человеке на войне. Что на войне самое трудное? Победить? Выжить? Самое трудное на войне – остаться человеком.

Содержание

Здравствуйте. Это я	5
Старая тетрадь	13
Звезда Волошина	15
Придурки	20
Гаишник	27
Солдатык Сашка	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Звезда Волошина

Михаил Александров

© Михаил Александров, 2016

ISBN 978-5-4483-1314-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Здравствуйте. Это я
(вместо предисловия)**

Попытаюсь кратко рассказать о себе. Свою развёрнутую автобиографию я начал писать в повести «Добрые люди», а все рассказы являются эпизодами моей же биографии. Она, эта самая биография, ничем не примечательна, я обычный советский, а затем российский человек, не совершивший ничего выдающегося и героического. Но в какой-то момент я вдруг понял, что жизнь настолько многогранна и разнообразна, что мы, жившие в одно время, изучавшие в школе одну программу, ходившие на одни демонстрации, видели всё в разных тонах или с разных сторон. Например, однажды я рассказывал о своём детстве, и женщина, моя ровесница, возмутилась: «Ты о чём? Я прекрасно помню те года, белый фартук, банты, „классики“ и скакалки. Какие детдома и беспризорники? Эпоха развитого социализма, не было этого». А оно было, мы были, и я понял, что об этом надо рассказывать, этого многие не знают, и, возможно, кому-то будет интересно.

Так что если кратко, то примерно так.

Я родился 15 января 1961 года в городе Сланцы Ленинградской области, в котором после своего рождения больше никогда не бывал. Родился я недоношенным и таким слабым, что надежды на то, что выживу, было немного. Мать, имея на руках моего старшего брата, которому не исполнилось ещё и года, но не имея ни жилья, ни средств к существованию, приняла, возможно, единственно правильное решение и исчезла. Отец исчез ещё раньше. Но врачи в больни-

це оказались людьми добрыми, хорошими профессионалами и меня выходили. Дальше в мою жизнь вмешалась ленинградская бабушка. Будучи человеком ответственным и деятельным, она каким-то образом забрала меня из больницы и переправила к другой бабушке, в глухую деревню Калининской, ныне Тверской, области. Мои первые воспоминания – именно оттуда, из маленькой деревни, где жили исключительно добрые люди. Там я рос до самой школы, и детство моё было счастливое и вольное, воспитанием моим никто, в общем, не занимался, я любил лес, животных и всех людей. Тарзанил по лесам, в семь лет знал и умел многое необходимое для деревенской жизни, спокойно доил корову и кормил животных, по мере сил полыл огород и помогал на сенокосе, собирал грибы-ягоды и даже ставил силки на птицу и зайца.

Но тут пришло время идти в школу, которой в ближайшей округе не было. К тому же времени появилась моя мать, но совсем ненадолго, оставила на бабушку моего старшего брата и снова исчезла. Я её совсем не запомнил. Это был один из первых крутых разворотов в жизни. На учёбу нас отправили в Ленинград. Ленинградская бабушка как раз вышла на пенсию и дальнейшую свою жизнь решила посвятить нашему воспитанию. Сейчас я прекрасно понимаю её благие намерения, но тогда... Весь мой детский разум, душа и характер этому воспротивились. Огромный город Ленинград мне не то что не понравился, он произвёл на меня какое-то до крайности негативное впечатление. Здесь всё было не так,

ничего общего с тем, к чему я привык. От школы я вообще был в шоке, никогда не видел столько детей, не слышал столько шума и не понимал, зачем всё это нужно. Брат, хотя и был старшим, но попал под моё дурное влияние, и однажды мы совершили свой первый побег. Побег был недолгим, так как бежать мы решили в деревню, но конкретно не знали, как и куда, поймали нас в тот же день у Московского вокзала. Тем не менее, это положило начало новому этапу в жизни. Убегать мы стали регулярно, с каждым разом всё удачнее и удачнее. Иногда бродяжничали по несколько дней и даже недель. Конечно, нас всегда ловили и возвращали. Бабушка плакала и ругалась, но справиться с нами уже не могла, мы становились неуправляемыми. Потом она стала болеть, три инфаркта один за другим. А мы набирались опыта самостоятельной бродяжно-беспризорной жизни. У нас появились такие же бродяжные друзья, подвалы, чердаки и дачи в пригородах стали близкими и знакомыми, мы научились удирать от милиции, контролёров и продавцов, а также воровать, просить и даже отнимать. Детская комната милиции и детский приёмник-распределитель были также хорошо знакомы. Были и положительные моменты. Я привык к городу, он уже не казался чужим и страшным, а стал как бы своим, мы его знали. Пусть с изнанки, но постепенно Ленинград становился нашим.

И тут, через два года нашей ленинградской жизни, в моей судьбе снова произошёл крутой поворот. Нас с братом после

очередного побега, приёмника-распределителя и бабушкиного инфаркта стали оформлять в детдом. Бабушка не хотела нас отдавать насовсем, но делать что-то было надо, в итоге нас оформили в интернат. Оттуда родственники забирали детей на каникулы и воскресенье, но распорядок был серьёзный. Несколько раз по привычке я сбегал и оттуда, но терпение, любовь и усилия воспитателей сделали своё дело, и я начал превращаться в «гомо сапиенса» – человека разумного. Именно интернат дал мне первые представления о дисциплине, внутреннем распорядке, коллективе. Именно интернат сформировал из меня то, что получилось в дальнейшем, именно те добрые люди, которые там работали, сделали из меня человека. Наши воспитатели и учителя были настоящими подвижниками, фанатами, наверное. Они возились с нами, не считаясь со временем и личными делами. С нами, такими разными, неблагополучными, даже где-то криминальными. Поистине Великие люди.

Затем я учился в ПТУ, потом немного работал в Ленинграде, уехал в деревню, откуда и был призван в армию. Несмотря на полукриминальное детство, да, в общем-то, и не совсем безупречное отрочество, призвали меня во внутренние войска МВД. Такой парадокс, или путь для дальнейших встреч с хорошими, добрыми людьми. Служба в армии мне понравилась, дисциплина была не в тягость, дальность гарнизона не страшна, леса знакомы, коллектив в радость. С самого начала службы на меня обратил внимание зампо-

лит и начал привлекать к своей работе. Сначала выпуск боевых листков, стенгазета, затем я стал комсоргом, секретарём бюро ВЛКСМ. Постепенно втянулся в политическую жизнь и пошёл по этому пути. Служил, учился, был секретарём комитета комсомола, замполитом, кандидатом в делегаты XIX съезда ВЛКСМ. На сам съезд, правда, по каким-то причинам не прошёл. Как бы то ни было, служба моя шла хорошо и успешно до 1989 года.

В конце восьмидесятых армию начали сокращать, причём очень успешно и ускоренными темпами. Тысячи офицеров, прапорщиков, сверхсрочников оказались лишними. В их число умудрился попасть и я, комсомольские работники были не нужны вовсе.

Я снова, как когда-то, уехал в деревню, забрав с собой маленького сына. Бабушка была ещё жива, но деревня уже умирала совсем. Население было – пять очень престарелых старушек, дорог, как и раньше, никаких, поля зарастали и заболачивались. Но зато какое поле деятельности для фермерства, только разворачивайся. И я развернулся. За неполных два года завёл стадо быков в сто голов, стадо овец, которые паслись и плодились сами по себе, я их даже не считал. Корова, поросята, огород и пара ульев – так, для развлечения. Но всему есть предел, человеческим возможностям тоже. И я сломался, не выдержал такого ритма и объёма. К тому же сыну подходило время к школе, которой, как и прежде, в ближайшей округе не было. Распродав всё хозяйство, мы

уехали обратно на Север, к прежнему месту службы.

К тому времени многие, с кем раньше служил, пришли в милицию. Меня тоже позвали, и я стал сельским участковым. В какой-то момент понял, что не хватает юридического образования, и, имея за плечами более десяти лет службы, поступил в Вологодский институт права и экономики. Потом служил на разных должностях, командовал одним из подразделений милиции, ездил в горячие точки, в общем, всё как у всех. В 2003-м, отслужив более тридцати лет в льготном северном исчислении, вышел на пенсию. Больших чинов и званий не достиг, но служил честно и добросовестно. На смену мне пришли два моих сына, которые продолжают традицию. На пенсии занялся бизнесом, причём вполне успешно, не так, чтобы деньги лопатой, но на хлеб с маслом всегда хватало.

Следующий поворот начался в 2005-м. У нас родился сын. В тот год средний окончил институт и стал офицером, и вдруг ещё – полная неожиданность. Когда младший начал болеть, мы не обратили особого внимания – все дети болеют, но дальше – больше, бронхит за бронхитом, воспаление за воспалением, астма. Врачи в один голос: «Меняйте климат». Туда, где лучше, где климат. С учётом, что у меня родственников совсем немного, и то дальние, куда ехать, было всё равно. Болгария всплыла случайно, из интернета. Искал «лечение астмы», и вдруг – Болгария: горный воздух, мягкий климат, тепло, солнце, простота переезда.

Уже семь лет в Болгарии. О болезнях забыли, сад-огород и маленькое хозяйство. Старшие с внуками приезжают в отпуск, младший с нами, отличник в болгарской школе, занимается борьбой, рисованием и шахматами. А я между домашними делами пишу случаи из своей жизни в виде рассказов. Во всех своих рассказах и в будущей повести «Добрые люди» я пишу о добрых людях, о хороших, простых, возможно, с какими-то недостатками, но добрых людях. Потому, что так случилось, что по жизни мне всегда и всюду встречались добрые люди. Нет, возможно, были и не совсем добрые, или даже совсем недобрые, но я почему-то их не заметил. Если они и были, то прошли где-то стороной и не захотели со мной встречаться.

Старая тетрадь

Недавно, перебирая бумаги, фотки, документы, нашёл свою старую тетрадь. Давно не попадалась на глаза, лет, наверное, десять или больше. Полистал, почитал. Забылось многое, а тут строчка-две, и память воспроизводит события, как будто они были вчера. Будто плёнка начинает бежать в голове и показывать старый фильм.

Я брал тетрадь в свои командировки. Это не дневник, просто пометки, фразы, адреса. Зачем писал, не знаю. Может, думал, что когда-то вспомню, пригодится. Может, просто так. Некоторые записи-пометки даже не могу расшифровать, стёрлось и забылось. Некоторые – как яркая вспышка. Лица ребят, голоса, запахи помню. Странно устроена наша память. Мы можем до мельчайших подробностей помнить, что было много лет назад, что врезалось в память, втиснулось и сидит в каком-то дальнем закоулке сознания. А то, что каждодневно, вчера, сегодня, завтра, умудряемся забыть, не вспоминать, не обращать внимания. А тетрадь помнит всё. Пара строк, год 95-й, 96-й, а вот уже 99-й и 2001-й. На одной страничке, почему? Странная система записей. А, разобрался. Это про Андрюху, что касается его личности, попытался втиснуть вместе. Семь лет по календарю, несколько строк в тетради. «Ну и зама мне назначили, похоже, деревянный по самую задницу. Интересно, улыбается когда-ни-

будь, или всегда при исполнении». «А Андрюха ничего, дело знает, и личный состав умеет в узде держать». «В отряде есть старые лица, радуется. Андрюха с нами снова. Попрошу в замы, по крайней мере, я его знаю». «Андрюха отдал два магазина, это всё». «В этот раз зам мне не положен, возьму Андрюху водилой, пусть будет при мне». «Ну надо же, снова вместе, четвёртый раз. А дома и не встречаемся совсем, только в командировках. Должности замначштаба нет, придётся своей властью, куда же я без Андрюхи». «Ну мы вчера учудили, никогда не видел, что бы Андрюха так ржал».

Это все записи про хорошего человека, отличного зама, с которым прошли огонь и воду. Всего несколько строк. А вспоминать можно бесконечно. Но, с другой стороны, что я знаю про него не в той, а в этой, мирной жизни? Да ничего практически. Мой ровесник, прапор, отслужил свой четвертак, вышел на пенсию. В какую-то охрану устроился, работает. Детей двоих вырастил, сына и дочь, я однажды их видел. Живёт в двушке, от родителей осталась. Обычный, в общем, как и большинство из нас.

Звезда Волошина

В этот раз капитан Волошин поехал в командировку с определённой целью. Цель была сугубо меркантильная, или, как говорят, шкурная. И, в принципе, ничего плохого в этом не было, все цель Волошина знали, понимали и даже поддерживали. Он наконец-то хотел получить майора. Как таковая майорская звезда мало волновала Волошина, карьеристом он не был, тщеславным тоже. Но ведь когда-то надо. И так уже называют дважды капитаном, во-первых, потому, что капитана он получил в далёком восемьдесят восьмом и к тому времени отходил уже два капитанских срока. Во-вторых, капитана Волошин получил в армии, и на милицейские погоны капитанские звёздочки перекочевали вместе с Волошиным с армейских. В общем, пора. Для друзей и сослуживцев Волошин даже придумал своё шутовское оправдание:

– Вот помру я когда-нибудь, и захотят меня родственники похоронить, громко, с оркестром, а я – капитан. Придётся родственникам за оркестр деньги выкладывать. Майор – дело другое – старший офицер, и предоставляется майору на похороны оркестр бесплатно, сплошная экономия получается.

В командировки на Кавказ капитан уже ездил, ничего такого в этом нет, а тут узнал, что, оказывается, тем, кто был

в командировке, при предъявлении в родное УВД определённых документов – представление там, характеристика – звание можно получить на ступень выше предусмотренного по должности. Надо сказать, что капитаном-то Волошин был долго практически из-за должности. Ну, что поделывать, если у простого участкового потолок по званию – капитан. Можно, конечно, уйти на другую должность, были даже предложения, тем более, много сослуживцев-одногодков уже давно подполковники. Предлагали ротным во неведомственную охрану, но это так скучно и рутинно, да и личный состав опять же. Предлагали дознавателем, так как Волошин учился заочно на юридическом, но это кабинет, четыре стены, рабочий день – как у станка – «от и до», совсем не хотелось. Да и работу свою участкового инспектора Волошин любил и считал нужной, а значит, ходи вечным капитаном. И тут такая возможность, не воспользоваться было просто смешно, к тому же отряд направлялся в Хасавюрт, а там такой базар, а на дворе конец лета, а на Севере не жарко, в общем, ехать и никаких разговоров. Месяц южного курорта плюс звезда майора – перспектива сказочная.

Отряд состоял из трёх взводов, по двадцать бойцов в каждом, одним из которых и предстояло командовать Волошину. Прибыли на аэродром Каспийска, далее автотранспортом до Хасавюрта. Погода отличная, как есть курорт. Но в штабе что-то не срослось, у них там свои планы. Основная часть отряда оставалась на охране штаба, а один взвод, причём уре-

занный, в составе всего двенадцати бойцов, одного пулемёта и двух подствольников, должен отправиться на территорию Чечни и занять блокпост в Гудермесском районе. Честь возглавить откомандированное подразделение выпала капитану Волошину, как человеку опытному, военному, ну и, наверное, чтобы майора было за что получать. Волошин совершенно не расстроился, хорошую погоду никто не отменил, фрукты-овощи тоже, да и сменить обещали через две недели, так что по хасавюртовскому базару походить время будет, так даже интересней.

Но вместо смены через две недели начался джихад. Взвод Волошина с треском выбили с блокпоста, хорошо, что обошлось без потерь, трое легкораненых и всё. Выходили неделю, минуя любые признаки жилья. Пару раз нарывались на посты боевиков, но обошлось, и преследования не было. Перед самым Дагестаном напоролись по-серьёзному, но и тут свезло, помогли делавшие облёт вертушки, одним своим видом разогнавшие неприятеля.

В Дагестане вышли на погранцов, те отнеслись с пониманием, накормили и утром отвезли в Хасавюрт, в штаб. В штабе Волошина, похоже, не ждали, оказывается, отряд перебазировали в Кизляр, а по вышедшим надо проводить проверку. Раненых забрали в госпиталь, остальных поселили в палатку при воинской части на окраине Хасавюрта. Ну и ладно, главное, выспаться – неделя, проведённая почти без сна, заглушила всё, даже голод. В сон Волошин провалился,

не успев упасть на матрас и не выпуская из рук автомата. Разбудил его зам, аккуратно трясая за плечо:

– Командир, там какой-то полкан, орёт как сумасшедший, тебя требует.

Волошин соображал от недосыпа и спросонья туго, но с улицы раздавались такие крики, что идти было необходимо.

– Где эти дезертиры-окруженцы, почему здесь, почему не в изоляторе? – орали снаружи.

Выйдя из палатки, Волошин увидел трёх офицеров в ментовском камуфляже и полковника, одетого по полной форме, в фуражке аэродромного размера. Орал полковник, его толстые, красные щёки тряслись, как холодец. Похоже, полковник был изрядно пьян.

– Это что, капитан... почему не разоружили... капитан, я тебя укатаю... блокпост без приказа, это служебное преступление! – орал полковник.

– Капитан, ко мне... бегом, – Волошину ничего так сильно не хотелось, как чтобы полковник замолчал. И даже не отдавая себе отчёт, зачем и почему, он передёрнул затвор и всадил оставшиеся в рожке патроны под ноги полковнику. Тишина наступила мгновенно, полковник ещё орал, но уже без звука, как рыба, открывая рот и выпучив глаза.

Разоружили быстро, сзади на Волошина навалились свои же бойцы, потом подбежал ещё кто-то. Вместо изолятора была гарнизонная гауптвахта, служебная проверка,

но до возбуждения уголовного дела не дошло, зато выпататься дали по полной программе. Полковник и правда был пьян, что подтвердили свидетели. А может, просто Волошин родился под счастливой звездой, которая и заменила ему майорскую. Но изменение в звании всё же произошло – на всякий случай звёздочку с капитана Волошина сняли со смешной формулировкой «оставление поста без приказа», как будто он постовой, хотя начальству виднее.

Из командировки Волошин вернулся старлеем, чем вызвал многочисленные шутки и добрые подколы сослуживцев. После этого случая старший лейтенант Волошин прослужил ещё восемь лет. Должности занимал разные, и майорскую, и подполковничью, но вот со званием изменений больше не было. Видимо, была какая-то важная запись в секретной части личного дела, которая мешала получению очередных звёзд. Ну, да и ладно, быть трижды капитаном – тоже не велика награда.

Придурки

Взрыв в ПВД (пункте временной дислокации) произошёл поздно вечером, почти ночью, примерно через пару недель с начала командировки. Мне показалось, что грохнуло прямо подо мной, на втором этаже, что на самом деле так и было, как выяснилось впоследствии. Любимый гранёный стакан, который я всегда возил с собой и считал своего рода амулетом, подпрыгнув на столе, хряснулся об пол и разлетелся на мелкие кусочки, разлив только что заваренный чай. Автомат, висевший на стене над кроватью, сорвался с гвоздя, ударив по затылку, а этажерка, приспособленная под всякого рода бумаги в папках и без, упав, загородила дверь. По коридору уже слышался топот, кто-то бежал к лестнице. Когда через полминуты, справившись с этажеркой и схватив автомат с разгрузкой, я выскочил из своего кабинета, в коридоре уже никого не было. Перескакивая через несколько ступенек, отметив, что второй этаж заволокло то ли дымом, то ли пылью, выбежал во двор. Бойцы уже заняли места согласно боевому расписанию, ни взрывов, ни выстрелов больше не было. Передо мной возник дежурный-капитан

– Что это было? – больше на всякий случай, чем узнать, спросил я.

– Шайтан-труба? – неуверенно то ли спросил, то ли ответил капитан.

– Пошли в дежурку.

Личного состава на момент взрыва в ПВД было немного, человек двадцать, не больше. Три взвода из четырёх находились на блокпостах, оставшийся, и то не в полном составе, на охране ПВД, занимал большое помещение-кубрик на первом этаже. На третьем этаже размещалось руководство отряда, доктор, а также хозобоз в составе трёх водителей, двух поваров и банщика, по совместительству помощника замполтыла. На втором этаже быть никого не должно. Но на всякий случай уточнил у дежурного.

– Так четверо там, с третьего взвода, вернулись с Левобережной.

Про Левобережную напрочь вылетело из головы, три дня назад там начали выставлять дневной пост, а на ночь бойцы возвращались домой.

– Видел?

– Нет, по-моему... – начал неуверенно дежурный.

– За мной, – я рванул на второй этаж.

Три лампочки тускло освещали коридор, в котором плотно стояла пыль от штукатурки. Дёрнув дверь крайнего кубрика, мы увидели всех четверых, живых и, похоже, здоровых, но находящихся в оцепенении.

– Быстро вниз, – рявкнул я, оцепенение как рукой сняло, бойцы пуль вылетели к лестнице. Бегло осмотрев кубрик, никаких значительных повреждений я не увидел. Все четверо уже стояли внизу, вместе с дежурным.

– Рассказывайте, – начиная догадываться, что произошло, предложил бойцам.

– Так у нас это... граната... товарищ старший лейтенант... случайно...

– Понятно, давай отбой, – я обернулся к дежурному, – и командира срочно, а вы – со мной, – уже бойцам.

Командир ещё до ужина ушёл к соседям, стоящим на станции Терек новосибирским омовцам-линейщикам. Называлось это «согласовать план совместных мероприятий», а заключалось в совместном ужине и приятной беседе. Кроме того, у линейщиков была связь через железнодорожный коммутатор. При благоприятном стечении обстоятельств и доброте девушек-дежурных на линии можно было позвонить домой. Непьющий замполит пошёл с командиром на всякий случай и чтобы, если что, удержать того от излишеств.

Мы поднялись в штаб, в мой кабинет и жильё одновременно. Бойцы услужливо помогли поставить на место этажерку и разложить бумаги, а один схватился за веник...

– Не надо, – остановил я бойца, – что, в рулетку сыграли? – все стояли, понутив головы.

Игра в рулетку, или, как её называли ещё, омовская рулетка, была проста. Брели гранату и несколько запалов. Один вкручивал запал, снимал с предохранителя, выдернув чеку, и кидал товарищу, тот быстро запал выкручивал и откидывал, происходил несильный хлопок. Дальше действие повто-

рялось, поймавший вкручивал свой запал, и так по кругу, пока не надоест или не закончатся запалы. Весело и интересно, но в этот раз что-то не срослось.

– Сыграли, – выдавил из себя один.

– Ну-ну, – во мне проснулся следователь, – не стесняйтесь, рассказывайте.

– Так это... Васька сильно завернул, – кивнул молодой сержант Бородин на прапорщика Котельникова, – не успел я, товарищ старший лейтенант... пришлось в коридор.

– Понятно. Идея чья, твоя, Котельников?

Котельников выдающимся умом не отличался, но, в отличие от остальных троих первоходков, в командировке был второй раз, на основании чего считал себя бойцом опытным, всё знающим, таким спецназовцем Рэмбо. Меня на основании того же самого побаивался и иногда искал поддержки: «Скажите им, товарищ старший лейтенант, ничего не понимают, пороха не нюхали». Это выглядело смешно, и нюхал ли порох сам Котельников, я не спрашивал, ладно, всё-таки постарше, может, чему и научит. Вот и научил.

– Ну... мы вместе... пристали... салабоны, товарищ старший лейтенант, – начал оправдываться прапорщик, – я не сильно затянул, показалось ему, играть не умеет, одно слово – салага.

В штаб влетел командир:

– Ну, что тут, все целы? – дежурный в двух словах уже объяснил. – Давай ко мне, а вы идите, придурки, разберёмся

с вами.

Замполит уже был у командира, я сел напротив.

– Что делать-то, Иван Ильич, – в отличие от командира, который из командировок не вылезал, а начал свой боевой путь ещё в Афгане и имел прозвище Человек-война, замполит в командировке впервые, – докладывать надо.

– Ты чего, Вова, с дуба рухнул? – округлил глаза Ильич. – По проверкам соскучился? Или майорские пагоны жмут? Ты как с личным составом работал, доктор твой где, психолог хренов? Это ваш с ним косяк, тесты он, видите ли, свои бестолковые раздаёт, – неожиданно переключился Ильич на доктора, который по совместительству был психологом, или наоборот. – Ты что, сам никогда в рулетку не играл?

– Я – нет, – испуганно захлопал глазами замполит.

Командир, поняв, что спросил глупость, посмотрел на меня:

– Что скажешь, штаб?

– Что тут скажешь, наказывать надо конкретно, хорошо, в коридоре никого не было, а то сидеть бы нам завтра всем в другом месте.

– Это точно, предлагай, воспитатель.

– Отправить домой и точка, эти же придурки могли и сами погибнуть, и невинных погубить.

– Ну, Вова, ты меня всё больше удивляешь. Где вас таких воспитателей лепят? Ага, домой отправить, и в сопроводилковке напиши, мол, ввиду недостаточной воспитательной ра-

боты, пока я звонил домой любимой девушке, бойцы играли гранатой. А ввиду того, что вы там, в УВД, боевой подготовкой личного состава не занимались, как играть гранатой бойцам не объяснили, они чуть не подорвались. И по возвращении из командировки, если раньше не отзовут, наградят тебя, Вова, заслуженным направлением в народное хозяйство.

«Ну, Ильич, юморист», – я с трудом сдержал смех.

– А наказать надо, хорошо наказать, действительно, из ряда вон, – попытался я направить разговор в нужное русло.

– Надо, – согласился командир, – выясни, Володя, кто там у них массовик-затейник, подумаем о наказании.

– Что тут выяснять, Котельников придумал, – доложил я.

– Вот придурок, на ворота его, вечным вратарём, до конца командировки. И что б никаких увольнений, никакого Моздока вообще, ни разу. А остальных на неделю на кухню, нет, на две, и банщику помогать, вода, дрова. Все хозработы на них, на две недели, – командир перевёл дух. – Вот так, Вова, а ты работай, работай, и этому... доктору-психологу своему скажи... Воспитатели, блин.

Прапорщик Котельников до конца командировки, все три месяца, простоял на воротах при въезде на территорию. Пост у бойцов весьма непопулярный: всё время на виду, и тоска зелёная, посему многие были рады, что появился постоянный вратарь, а особо острые на язык поддевали Котельникова.

– Вася, тебя как самого опытного сюда воткнули? – спра-

шивал кто-то.

– А то, – находился другой, – как ни крути, пост №1.

– Котельников, шевелись там с воротами, ну, опытный же воин, – кричали из машины вернувшиеся с блокпоста бойцы, – ужин стынет, а ты такой нерасторопный.

А в омовскую рулетку больше не играли.

Гаишник

Вечером, после работы, заехал в отдел забрать жену, которая работала в наших же кадрах. Ей срочно понадобилось завезти какие-то бумаги в областное ГАИ. Ладно, на машине всё рядом, заехали. Рабочий день закончился, на стоянке перед ГАИ не было ни одной машины. Мы вместе с женой поднялись в дежурку, отдали пакет, всё – можно ехать. Чтобы не выкручиваться, согласно дорожной разметке, путь я сократил, проехав наискосок через всю стоянку. У ворот на выезде нас остановил очень серьёзный гаишный старшина с автоматом. Увидев, что в машине два офицера милиции, он стал ещё серьёзнее.

– Товарищ водитель, вы нарушили пункт правил дорожного движения номер такой-то, такой-то и такой-то, пересекли сплошную полосу разметки, проехали по встречной и не включили сигнал поворота.

Ничего себе, как всё серьёзно. Я попытался свести всё в шутку:

– Виноват, товарищ старшина, не заметил, задумался, спешил.

Старшина шутку не воспринял и свой служебный долг решил исполнять дальше:

– Предъявите ваши документы, товарищ водитель.

Я вышел из машины, протянул водительское удостове-

ние старшине. Не взглянув на него, старшина направился к своей будке.

– Подожди, старшина, – дело обещало затянуться, – ну, нет же никого совершенно, ты чего придуриваешься?

– А вы мне не тыкайте, товарищ старший лейтенант, я при исполнении, а вы – нарушитель. Думаете, надели милицейскую форму, и всё можно, из-за таких, как вы, нас и не любят, сами нарушаете, а на вас граждане смотрят.

– Да кто смотрит-то, старшина, ну нет же никого, – пытался уже оправдываться я.

– А это неважно, есть кто или нет, закон для всех един, и нарушать правила дорожного движения непозволительно никому. Далее я выслушал пятиминутную воспитательную беседу об обязанностях водителей, о личном примере сотрудников внутренних дел, особенно командного состава, и о том, что старшина обязан доложить дежурному по управлению, а уж он пусть решает, как строго меня, нарушителя, нужно наказать.

Что докладывал по телефону старшина своему дежурному, я не слышал, но через минуту он вышел из будки с недовольным видом, вернул мне права и, открыв ворота, махнул:

– Проезжайте.

Через пару-тройку месяцев, под самый Новый год, мы ждали подарки с родины. От родного УВД на Кавказ была отправлена машина с посылками, подарками и настоящей северной ёлкой. Кроме того, в Моздок прилетел наш гене-

рал, собиравшийся проехать по отрядам, поздравить с наступающим, ну, и посмотреть, как мы тут живём-служим. Встречать высокое представительство выехал командир вместе с замполитом. Нам с зампотылом досталась почётная обязанность навести марафет и подготовить личный состав предстать пред светлы очи. О том, что колонна выдвинулась из Моздока, нам, конечно, сообщили, значит, максимум через пару часов у нас. Зампотыл метнулся на кухню отдать последние распоряжения поварам, которые и так трудились с утра, как заведённые – не каждый день генералы ездят. Я прошёлся по кубрикам и другим помещениям, вроде хорошо, можно встречать. Все свободные от службы скопились у ворот. Вот и наши, командирский уазик, гаишный жигуль и «Урал» с подарками. Часовой открыл ворота, личный состав в две шеренги, дежурный рявкнул: «Отряд, смирно!», а я глаз не могу оторвать от гаишного водила. Вот так встреча, тот самый правильный старшина, ну, до чего же земля круглая.

По должности мне положено было следовать за генералом в командирский кубрик, докладывать дислокацию блокпостов, количество личного состава, вооружения и всякие штабные мелочи. На всё про всё ушло около часа, после чего все во главе с зампотылом отправились в столовую на неофициальную часть. Зампотылу не терпелось похвастаться приготовленным поварами изысканным пловом и другими яствами, например, шашлыком из осетрины. О том, сколько ту-

шёнки ушло на обмен, никого, конечно, не интересовало. Ужин удался, генерал был доволен, а я на время забыл о гаишнике. На вечерней поверке я его увидел вновь, конечно, не подойти поздороваться было бы невежливо, да и не мог я себе отказать в таком удовольствии.

– Привет, старшина, какими судьбами в наши забытые Богом края, не иначе за статусом ветерана прибыл? – я всем своим видом выражал радость встречи. Старшина меня, конечно, узнал, но радости от такой неожиданности, было заметно, не испытывал, а может, устал сильно с дороги.

– Здравия желаю, вот... послали... в сопровождение, – да, что-то выглядит неважнецки, даже жалко стало.

– Ну, так хорошо ведь, хоть развеешься, не всю же жизнь ворота Управления сторожить, – злой я всё-таки, не сдержался поддеть.

– Так конечно, дорога тяжёлая, – попытался отделаться от меня гаишник.

– Ладно, ладно, иди, отдыхай, ничего, что я на ты? – вот неймётся мне.

Старшина ушёл.

В общем, на этом история и закончилась бы, но утром было продолжение.

В дверь ко мне постучали, и на пороге возник гаишник.

– Здравия желаю, товарищ старший лейтенант, мне сказали, вы составляете списки, кто едет в Грозный, – как-то неуверенно начал старшина.

– Ну... – не сразу сообразил я.

Дело в том, что генерал ехал навестить наших омовцев и собрат, которые дислоцировались в Грозном. От нас было выделено отделение сопровождения, ехали мы с командиром и, само собой, гаишная машина сопровождения.

– А не могли бы вы меня кем-нибудь заменить? – опа, ничего себе зигзаги на прямом участке.

– Это с каких таких пирогов, в чём проблема-то?

– Понимаете, у меня дома девушка беременная, а в Грозном... того... беспокойно там, мало ли что... ребёнок сирота... вы-то тут привыкшие, а я человек мирный, в общем, я и стрелять-то как следует не умею, а там... мало ли... всяко может быть.

– Ну, ты даёшь, старшина. А как же «закон для всех един», а как же форма милицейская, – меня понесло. – Да у меня у полотряда девушки беременные, а у других детей по трое, ты вообще о чём, старшина? Генерал едет, и не страшно ему, что там «того... беспокойно», – передразнил я гаишника.

– Так не посодействуете, товарищ старший лейтенант? – старшина стоял, весь сжавшись. – Не поможете?

– Помогу и посодействую, – я рывком вытащил из-под кровати ящик гранат, – бери, сколько надо, отобьёшься, если «мало ли... всяко», – передразнил опять.

– Извините, – гаишник выскользнул.

Выезд через час, я на «Урале», командир с генералом на узике, в гаишной машине за рулём с довольной мордой

сидит мой помощник и товарищ Андрюха.

– Андрюха, что за дела, где старшина-гаишник? – пытаюсь наехать.

– Не пыли, командир, заболел он сильно, там доктор над ним колдует, то ли сердце, то ли ещё что, лежит, в общем, я с Ильичом согласовал, нормально всё, пацанов в ОМОНе навестим, – Андрюха любит ездить в Грозный, у него в ОМОНе друзья, вот жучара.

Съездили нормально, переночевали у СОБРов. На следующий день высокое начальство и гаишная машина с выздоровевшим старшиной уехали. Вот молодец у нас доктор, кого хочешь, на ноги поставит, одно слово – психолог. Старшину я больше никогда не видел.

Солдатык Сашка

Сашка был именно Солдатык, другого имени ему просто невозможно было придумать. Встреча с ним произошла весной девяносто седьмого в Дагестане, на одном из блокпостов. Наш сводный, состоящий из четырёх офицеров и двадцати бойцов, дислоцировался у села Кумли, в Ногайских степях. К тому времени все подразделения были выведены из Чечни и расположены по административной границе. Смысла наших блокпостов я не пойму до сих пор, но начальству виднее. Командир отряда был в командировке впервые, поэтому к выполнению поставленных задач подошёл с энтузиазмом и по-серьёзному. Первые три дня мы укрепляли обороноспособность нашего объекта. Окопы в полный профиль и ходы сообщений в сыпучих песках – это что-то, но приказы не обсуждаются, раз надо, значит, надо. Сам командир принимал непосредственное участие, целыми днями мотался по окрестностям на уазике с целью добыть хоть какой-то стройматериал в виде досок, палок, кусков фанеры или железа. Служба была поставлена, конечно, тоже на высшем уровне. Все бойцы, несмотря на жару, стояли на постах согласно боевому распорядку, в полном обмундировании, в касках и бронеках. Моя задача, как зама по воспитательной работе, была вдохновлять личный состав на трудовые и ратные свершения, личным примером в том числе. Единствен-

ной отдушиной были вечерние поездки в столицу, село Теркли-Мектеб, с докладами в штаб и на планёрки. Вот тут и пришла мне в голову замечательная идея, которая сделала командировку просто отпуском. Вечером я завёл с командиром разговор:

– Послушай, Иваныч, зачем нам водила? У меня водительского стажа пятнадцать лет, узик вожу лучше, чем этот пацан. Давай освободим единицу для несения службы, сам видишь, не хватает народа.

На удивление Иваныч идею мою поддержал и согласился сразу. Никаких нарушений инструкций в этом он не усмотрел. Переложив часть своих обязанностей на дока, часть – на зампотыла, я с удовольствием стал водителем. Проведение политинформаций о текущем политическом моменте, а также подготовка приказов о присвоении очередных званий бойцам, конечно, остались на мне, но это сущие мелочи. Главное – свобода и мобильность, а не замкнутое пространство блока.

Одной из ближайших задач, поставленных штабом, было обеспечение взаимодействия с соседями. Это подразумевало посещение соседних блокпостов с целью познакомиться, поболтать, договориться о секретных сигналах, ну и всё, отсюда вытекающее. Отличная задача, к выполнению которой мы и приступили. В силу объективных обстоятельств – надо же ещё домой добраться – посетить более одного соседа в день удавалось редко. Владимирский ОМОН, Питерский

сводный, новосибирцы. С кем-то встречались ранее лично, с кем-то просто стояли по соседству, да мало ли поводов накатить по соточке. Посещение блокпоста, где стояла рота ВВшников, мы оставили напоследок. Вот там и произошла наша встреча с Солдатиком.

Подъехав к блокпосту, мы увидели закрытый шлагбаум, и ни одной живой души. Сигналить я не стал, мы с командиром вышли из машины и огляделись. Сверху, с бетонных блоков, доносился монотонный, тупой стук. Отступив на пару шагов для лучшего понимания и видимости, увидели мы солдата, который сидел на блоке в одних трусах и камнем бил по своему камуфляжу. На нас солдатик не обращал ни малейшего внимания. На его согнутой, худющей спине проглядывался каждый позвонок. Пару минут понаблюдав и так и не поняв происходящего, Иваныч вежливо спросил:

– Чем занимаешься, сынок? – сынок ухом не повёл.

Тогда Иваныч спросил погромче:

– Что делаешь, солдатик? – на солдата сына среагировал, но ответил, не оборачиваясь:

– Не видишь? Вшей бью, – ответ, похоже, шокировал моего командира. Про вшей он, видимо, только в книжках читал. Его даже не задело, что сидящий сверху боец не обратил внимания на двух офицеров, один из которых аж подполковник. Командир, глядя на меня, пробормотал:

– Я не понял, вшей?

– Вшей, вшей, – подтвердил я и обратился к солдатику, –

а стираться не пробовал?

Солдатык, всё так же, не оборачиваясь:

– А ты мне мыла дал?

– Командира свистни.

Солдатык, не отрываясь от своего важного дела, крикнул кому-то вглубь блокпоста. Мы прождали минут десять, пока командир не соизволил к нам выйти. Такого колорита я не встречал давно, а Иваныч, похоже, потерял дар речи. Перед нами предстал джигит, горец, абрек, в надвинутой на глаза папахе, с кинжалом на портупее и при этом в форме старшего лейтенанта с медалью «За отвагу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.